

***Коломенский Давид Леонидович
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

***Участник проекта: "Я из прошлого протягиваю мост..."
Столяр-краснодеревец, инженер-технолог по деревообработке,
производственный стаж – 55 лет.
Сейчас – пенсионер, но подрабатываю дежурным на КПП***

В памяти всегда со мной...

***Коломенский Михаил Давидович,
мой любимый дядя***

Мой любимый дядя Миша родился в 1906 году, в поселке Литин, Винницкой области. Участвовал в двух войнах в Финской и Великой Отечественной, к

сожалению, вернулся инвалидом второй группы. Многократный ударник коммунистического труда. Имел награды, заработанные на войнах и в повседневной работе в мирное время. Всю жизнь помогал родственникам. Много работал. Мечтал о справедливости. Пытался добиваться правды честным путем.

Когда я стал постарше – он делился со мной своими страшными историями, в том числе и о войне, правда, не для распространения. В советское время нельзя было слушать вражеское радио, критиковать действия руководителей и высказывать неудовлетворенность. Это сурово наказывалось. По-моему настало время, когда об этом нужно говорить вслух. Я перескажу пару его повествований.

О ВОЙНЕ (ПО РАССКАЗАМ МОЕГО ДЯДИ)

ОТСТУПЛЕНИЕ

Нам часто показывали патриотические фильмы о войне такие как: «Чапаев», «Они сражались за Родину», «Котовский», «Кубанские казаки» и т.п., но в жизни все было далеко не так патриотично.

Мой дядя Миша (для меня он всегда был любимым дядя Миша, поэтому хочется называть его по родственному) иногда рассказывал мне о войне.

На одном из фронтов, когда им пришлось отступить, их поджидала баржа. До баржи было 18 км. Времени до отплытия баржи оставалось примерно 2 – 2,5 часа. Дороги он не знал, поэтому бежал, стараясь не упустить из вида своего командира. По чистому полю бежать легче, но их преследовали разрывы снарядов, а сверху строчили из немецких самолетов. Недалеко впереди от него ранило бежавшего солдата. Солдату пробило живот. Из живота вываливались внутренности. Кишки волочились за раненым, но солдат продолжал бежать, заправляя их назад. Дядя видел это, но подойти к раненному не было, ни времени, ни сил, хотя прекрасно понимал, что раненный солдат бежит пока в шоке, и что скоро он упадет замертво. О санитарях и помощи некогда было думать. Все торопились на баржу. Далее они бежали лесом. Здесь не стреляли, но трудно было перепрыгивать через валявшиеся кругом деревья и проходить через густой кустарник. На баржу он успел вскочить в последних рядах. После

него еще несколько человек зашли и трап убрали. Баржа была перегружена. Ее тащил старенький буксир. Вот такую ужасную историю мне рассказал мой дядя.

Однажды я спросил дядю Мишу: было ли у него ощущение страха? Он мне популярно рассказал схему возможности действия солдат. Перед боем (наступлением) рядовые солдаты располагались впереди, за ними присматривают младшие командиры, далее младшие офицеры присматривают за младшими командирами и т.д. В случае невыполнения команды (приказа), этого солдата (человека) немедленно расстреливали "как врага народа" или дезертира, а на гражданке, как правило, страдали родственники этого солдата, так как у них в семье был "враг народа" и соответственно родственники, или даже сочувствующие друзья становились людьми второго сорта. Некоторых лишали должностей, работы, а далее были всяческие ограничения в жизненных ситуациях. В Армии есть железное неукоснительное правило: "вначале приказ надо выполнить (исполнить), и только потом его можно обжаловать" (если представится возможность). Дядя Миша рассуждал так: "Меня все равно убьют или немцы или свои, так надо сделать так, чтобы хотя бы не пострадали родственники. И надо погибнуть так, чтобы были свидетели. Вдруг я втихаря капитулировал и сдался". Чувство ответственности перед родственниками и друзьями было сильнее чувства страха за свою жизнь. Даже когда он получил ранение, то в первую очередь справился остались ли в живых свидетели, чтобы можно было подтвердить, что это не саботаж (или самострел).

РАБОТА ПОВАРОМ

Как то ранило повара и дяде Мише приказали его заменить. Проконсультировавшись с раненым поваром, он справился с этой задачей. И его оставили продолжать работать на кухне. На первое время продуктов скромно хватало, но их подвозили нерегулярно. Д. Миша доложил об этом командиру и получил распоряжение: недостающие продукты взять у населения - в противном случае на передовую. Дядя Миша согласился на передовую лишь бы не грабить население. Так как он за короткое время быстро освоил кухню, командир послал за продуктами других бойцов. Вскоре ребята вернулись с трофеями. Они хвастались как, пригрозив автоматом, без единого выстрела они почистили (ограбили) несколько семей. Конечно, д. Миша приготовил обед. Но эта несправедливость, жестокость, беспредел и безнаказанность по отношению к

своему народу ошеломили его. Ладно, мы говорили о немцах-оккупантах, а сами как поступаем. И, к сожалению, это не единичные случаи. Надо надеяться, что будущее поколение будет более сочувственно относиться к своему народу.

Низкий Вам, дядя Миша, поклон, а в Вашем лице и всем ветеранам за Ваше мужество и стойкость, терпение и отвагу, проявленные в борьбе с самым злейшим врагом человечества – фашизмом.

Спасибо Вам всем за Великую Победу, за беспримерный подвиг во имя Родины, во имя жизни на земле!

*****

ЭПИЗОДЫ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

ДЕТСТВО

Время было тяжелое, но детство счастливое. Во всяком случае – есть что вспомнить.

По рассказам моей Мамы, до войны она жила в поселке Литин Винницкой области в большой, дружной еврейской семье, скорее бедной, чем среднеобеспеченной.

Поселок Литин Винницкой области

В 1941 г., когда фашисты заняли Украину, моя Мама Елизавета Давыдовна вместе со своей сестрой Klarой Давыдовной и своей Мамой Рахиль Иосифовной (моей Бабушкой) эвакуировались в г. Киров, где я и родился. Моя Мама уговаривала старшую сестру Момцу Давыдовну поехать с ней, но Момца Давыдовна не могла оставить (бросить) с огромным трудом нажитое хозяйство. С собой можно было захватить только самое необходимое. А своих детей четырнадцатилетнюю Фиру Михайловну и семилетнюю Дозю Михайловну, тем более боялась доверить моей Маме. Времени на обдумывание не хватало. И моя Мама со своей Мамой (моей бабушкой и родной сестрой) уехали на восток и остановились в Кирове). К сожалению, всех евреев, в том числе и моих родственников, оставшихся в Литине, немцы перестреляли.

После Войны мои родственники, оставшиеся в живых, решили соединиться и жить в одном городе. Все равно в Литине было все уничтожено. В Кирове Мама комнату снимала. А в Ленинграде жила еще средняя сестра Софья Давыдовна (тетя Соня). Кстати, она всю блокаду Ленинграда пережила в городе. И голод, и холод - все было пережито. У нее была комната площадью 19 кв.м. Она жила в коммунальной квартире, состоящей из 14 комнат, на 5-ом этаже, отопление

печное. В общественной маленькой кухне одним кухонным столом пользовались по две семьи. На большее количество столов места на кухне не хватало. Тогда газа не было и поэтому на кухонных столах (в основном самодельных) стояли керогазы, керосинки, примусы и т.п. Обеды готовили по очереди. Семья тети Сони состояла из 3-х человек: муж - Яков Наумович (дядя Яша) и дочь Дина Абрамовна (мне двоюродная сестра).

В 1947 году моя Мама привезла меня, Бабушку и тетю Клару в Ленинград. Здесь я впервые познакомился со всеми моими оставшимися в живых родственниками. Мы поселились в комнате тети Сони. Вечером пришел брат Мама Михаил Давидович (мой дядя Миша). Он тоже был прописан у тети Сони, когда вернулся с фронта. Первое время все родственники не могли нарадоваться встрече. Через несколько дней Мама уехала дорабатывать в Киров. Бабушку и тетю Клару прописали на постоянное проживание к тете Соне, меня с большим трудом определили в детский сад. Моя Мама окончательно вернулась через год. К тете Соне ее не хотели прописать, а значит и на работу не устроиться. Прописалась к подружившейся доброй женщине, которой примерно 25 лет ежемесячно с благодарностью платила за прописку. Угол (проживание вместе с хозяйкой) снимала отдельно. С 14-ти лет я тоже начал подрабатывать. И у нас появилась возможность снимать отдельные комнатки в коммунальных квартирах.

Вспоминаю, как мне было стыдно ходить в детский сад спать, когда я уже ходил в школу. Я же уже школьник, а должен был возиться с малышами. В школе это знали, и ребята хихикали надо мной. С Мамой я виделся редко, как с девушкой на свидании.

В период правления Сталина буквально все боялись всего. Не дай Бог, выказать какое-нибудь неудовольствие по поводу трудной жизни или по поводу несправедливого распоряжения со стороны властей – за это могли, в лучшем случае, посадить в тюрьму.

У меня в детстве был такой случай. Игрушек у меня практически никаких не было. Я из газеты вырезал портрет товарища Сталина, наклеил на картонку и вешал в разные места на стенку комнаты. Соответственно, картонка у меня падала. Я поднимал и вновь приспособливал на стенку, но в другом месте. На замечание тети Сони вести себя тихо и не путаться под ногами я пытался играть

осторожнее, но похоже, что все равно мешал взрослым. Наконец тетя Соня не выдержала и выбросила картонку с наклеенным Сталиным в печку. Я не расплакался, а просто тихонечко сказал, что я завтра в детском саду расскажу воспитательнице, как Вы портрет товарища Сталина в печку выбросили. В комнате воцарилась полная тишина. Ведь за такой мой поступок могла пострадать тетя Соня. Ее могли бы посадить в тюрьму. В то время газету с изображением наших вождей, особенно товарища Сталина, нельзя было использовать для подстилки на скамейку, или на стол, чтобы на нее положить пищу, или присесть. Тете Соне стало плохо. Она упала на диван и принимала валидол. Срочно вызвали с работы мою Маму. Я не ожидал, что такие слова вызовут такой эффект. Мама осторожно расспрашивала мои будущие действия. А я ей ответил, что просто, чтобы отомстить за выброшенную картинку я хотел тетю Соню напугать, но ни в коем случае не настучать. Я не любил просто так неосознанно просить прощения, но видя, как переживает тетя Соня, вечером подошел к ней и попросил прощения. Она меня поцеловала.

Мамуля со мной. Мне 5 лет

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Когда я учился в школе, то меня частенько обзывали жидом и избивали. Моя Мама пошла к родителям мальчика, который меня бил, чтобы отрегулировать конфликт, но получила ответ, что евреям надо жить в Палестине, а не в России. Соседи по нашей коммунальной квартире посоветовали мне напрячься и дать сдачи. В одной из потасовок я этому мальчику дал сдачи кулаком в нос и пустил кровь. Мою Маму вызвали в школу и предупредили, что если еще раз подобное повторится, то меня исключат из школы. То есть получалось, что евреев оскорблять и бить можно, а русских нельзя. После проведенной Мамой беседы я принял другую тактику. В школу я приходил прямо к звонку, а уходил или позже всех, или раньше всех, и галопом бежал в детский сад или домой. Так я научился хорошо бегать, что мне потом пригодилось. То есть я чувствовал эту несправедливость по отношению к евреям с раннего детства. Уже тогда я понял, что дети, как правило, копируют взрослых, поэтому не обижался на ребят, хотя было очень обидно.

Однажды, будучи очень любопытным, я подошел к женщинам, которые укладывали булыжную мостовую, полюбоваться, как это они так ловко прибивают булыжники, да еще так ровненько. Одна из женщин спросила меня: кем я хочу стать? Я ответил - инженером. На это она ответила, что, конечно же, все евреи обязательно идут работать на чистенькие, тепленькие места, ведь никто из евреев не хочет работать рабочим, тем более на тяжелых и грязных работах. Я попробовал возразить и сказал, что придумаю такую машину, которая будет подвозить и подсыпать тяжелый песок в нужные места, и подавать булыжники для укладки. Но женщина возразила: «Ты еврей и поэтому уже с малых лет мечтаешь придумать все что угодно, лишь бы не работать».

НА ЗАВОДЕ

Окончив ремесленное училище, получил направление по распределению на завод. Там как в Армии на первых порах дедовщина. Старикам давали выгодную работу, а новичкам часто - неквалифицированную дешевую работу.

Как-то мастер позвал меня во двор и приказал жечь костер и сжигать мебель. (В те времена был негласный закон, план производства любой продукции не должен перевыполняться более чем на 105%). Костер уже горел. Моя задача разбивать и сжигать сверхплановые отлакированные платяные шкафы. Я отказался. Мне было жалко уничтожать лакированную мебель, когда в городе на них были огромные очереди. (По моим соображениям мебель можно было бы продать рабочим или, в конце концов, в следующем месяце сделать меньше). Мастер, обзвав меня еврейской мордой сказал, что увольняет меня за невыполнение задания и отправил домой. На следующий день Я пришел на работу позже, так как ИТР начинает работу позже, взял обходной листок, пришел в цех. Мой мастер встречает меня всякой нецензурной бранью. Мол, почему я

опоздал? А потом начал оскорблять: В том числе: ты еврейская морда больно умный? Больно хитрый? Грамотный? Оказывается, мне надо было после ремесленного училища отработать 3 года, и на этот период меня нельзя было увольнять. Конечно, меня оставили на работе, но руководство цеха разрешило мне работать в подчинении другого мастера. То есть я чувствовал несправедливость по отношению к евреям и в годы юной зрелости. Слава Богу, сейчас перестали обращать внимание на национальность. Во всяком случае, меня перестали оскорблять. Наконец, начали оценивать людей по деловым качествам. Конечно, мне как пенсионеру, на скромную пенсию без подработки тяжело доживать, но возвращаться в прошлое время не хочу. Правда в "советское" время у меня материальное положение было более обеспеченным, зато морально сейчас жизнь стала приятней.

СЛУЖБА В АРМИИ

Первый год службы

Второй год службы

ПОХОРОНЫ ПАПИРОСЫ

В Армии есть такой закон: после отбоя в течение 15-20 минут нельзя вставать с постели. По истечении этого времени можно выйти покурить или почитать и т.п..

Был такой случай. После отбоя, когда старшина вышел из казармы, один солдат, лежавший на втором ярусе кровати - втихаря закурил. (Курить очень хотелось, а спускаться лень было, а 20 минут еще не прошло). Вдруг послышались шаги возвращавшегося старшины. Солдат быстренько бросил папироску под кровать, но попал в проход. А папироска в темноте хорошо светится. Старшина, конечно, ее увидел. Команда: "ПОДЪЕМ!". При подъеме все одеваются и построение в вестибюле. На вопрос "КТО КУРИЛ?" Все молчат. Последовала команда: "ОТБОЙ!" Через полчаса, когда люди кто-то уже заснул, кто-то еще засыпает, последовала команда от старшины: "ПОДЪЕМ!" Опять построение в вестибюле. Опять тот же вопрос "КТО КУРИЛ?" Опять все молчат. Опять последовала команда: "ОТБОЙ!" Через 45 минут опять прозвучала команда от старшины: "ПОДЪЕМ, ТРЕВОГА!" Соответственно построение в полной экипировке уже на плацу. Вопросы и ответы - те же. Тогда старшина повел всех в казарму. Велел четверем солдатам взяться за углы натянутой простыни, на середину положил окурок и велел похоронной процессией, строем спуститься на улицу и строевым шагом выйти на плац. После молчаливых ответов мы строевым шагом сделали кружок по плацу. Окурок продолжали бережно нести на натянутой простыне. Далее старшина привел нас на задворки. Там велел выкопать кубовую яму 1,5 x 1,5 x 1,5 метра. Условия такие: стенки должны быть ровными и отвесными. Если кромка завалилась, то размер увеличивается и по ширине и по длине и по глубине. (Должен получиться куб). Сказал: "как сделаете - доложите" и ушел. Тут у нас начались свои разборки. Мол "ты курил, ты и копай". Все уже знали, кто курил, но никто его не только не выдал, а даже наоборот запретили ему признаваться. Нам хотелось одержать хотя бы моральную победу. Наконец выкопали яму 1,5 x 1,5 x 1,5 метра. Самое тяжелое, было вылезти из этой ямы, не обрушив стенки. Позвали старшину, но он увидел оборвавшийся край и велел на этот кусок увеличить размеры ямы. Короче, в конечном итоге яма у нас получилась 1,8 x 1,8 x 1,8 метра. Далее старшина велел положить окурок строго в середине и засыпать, как было. Где-то к 6 часам утра управились. После этого у нас никто не курил после отбоя. А парень, который курил, стал душой нашего взвода.

МЫТЬЕ МОСТОВОЙ

Довелось мне послужить и на севере. Зимой температура воздуха достигала -45°C . Однажды командир дивизии, заходя в свою резиденцию, поскользнулся. Комендант в чине капитана, увидев это, распорядился вызвать батальон солдат, чтобы вымыть площадку перед резиденцией. На улице было -35°C мороза. Нам выдали тряпки, швабры, мыло, утепленные резиновые сапоги, горячую воду из кухни подвели и заставили мыть мостовую. "Песком посыпать нельзя - грязь будет". От этой бесполезной работы чувствуешь себя таким униженным, морально раздавленным, оскорбленным. А вода на таком морозе быстро застывает. Мы по очереди поливали друг другу горячую воду на резиновые сапоги. В результате залили каток высотой в 2 ступеньки. А подо льдом узоры из тряпок, швабр, мыла. Наконец генерал в окно увидел это безобразие, а через 5 минут прибежал раскрасневшийся комендант и приказал быстренько посыпать песком и поскорее «сматываться». А ведь из-за нехватки горячей воды был задержан обед. На следующий день другой батальон скалывал лед. Им было тяжелее. Ведь лед был армирован тряпками и палками.

Четвертый год службы

Здравствуй Мама! Я отслужил свой срок

*****

В заключение хочу выразить глубокую благодарность преподавателю Афанасовой Людмиле Николаевне за обучение работе на компьютере и оказанную помощь в подготовке представленной работы.

Огромное спасибо руководителям и исполнителям проекта за прекрасную организацию учебного процесса, как по форме, так и по содержанию

16.09.2013-25.11.2013